

МОИ ВОСПОМИНАНИЯ

Елена Константиновна Румянцева - житель блокадного Ленинграда, войну встретила в Песочном, некоторое время была в детском доме на ул. Школьной (в здании школы).

Вот, что пишет она в своих воспоминаниях:

«Выросла я в Песочном, в доме на улице Андреевская, 15 (Вяземский). Семья была большая. Родители: Румянцев Константин Иванович, 1909 г.р. – отец, Румянцева Вера Егоровна, 1907 г.р. – мама. И мы, Зинаида (1931 г.р.), Елена (1933 г.р.), Галина (1939 г.р.), Анатолий (1940 г.р.).

В нашем доме жили еще Медведевы – родственники по маминой линии.

Война нарушила мирную жизнь всех, в том числе и нашей семьи. Медведевы ушли на фронт. Остались в Песочном Медведев Егор Осипович, мой дедушка и Медведева Евдокия Васильевна – моя бабушка. Вскоре всех стали эвакуировать, т.к. поселок находился поблизости с фронтом. Дедушка настаивал, чтобы мы с мамой эвакуировались, но заболела наша мама и мы остались здесь. С нами была и тетя – Блюнберг Анна Егоровна (мамина сестра). Всю блокаду жила вместе с нами, работала в городе вместе с папой. Папа работал на военном заводе, домой приходил очень редко. Мама умерла в апреле 1942 года. Когда мама умерла, мы зажгли свечку и долго-долго стояли, не зная, что делать. Папа пришел с работы едва живой. Дал нам моло-

ток, мы отбили доски у забора, и папа, сидя, сколотил гроб маме. Похоронили ее в мае, рыть могилу помогали соседи. Папа был совсем больной, практически не мог ходить. Его положили в больницу нашего поселка, на Заводской улице. Дома были мы одни. Холод, голод. Из Левашова пришла папина сестра и устроила нас в детский дом, который находился на ул. Школьной пос. Песочный (здание школы). Папа умер 17 июня 1942 года.

Лена Румянцева в середине, в детском доме под Горьким

Помню, что спали мы на втором этаже. Кормили нас три раза. Впервые за долгое время мы смогли нормально поесть. Дети были разного возраста. Детей было много. Моего младшего братика, Анатолия, поместили в дом «Малютки», это на углу Школьной. Потом его направили в Парголово, где он умер.

Помню из сотрудников детского дома – Спиридонову Степаниду (отчество не помню), воспитательницу – Медовникову Зинаиду Васильевну.

В июле 1942 нас стали эвакуировать. Привезли на Финляндский вокзал, там нас соединили с детьми г. Сестрорецка. Было нас очень много. С вокзала повезли на Ладогу. Какое-то расстояние шли до Ладоги пешком – длинный детский караван, который не понимал, что происходит. Наши сопровождающие нас

го. Бомбежка страшная. Трюм закрыли. Там были и раненые. Стон, плачь, духота. Но все закончилось успешно. Корабль причалил к берегу, Дана была команда выходить с корабля. Выходили мы по доскам, и чтобы мы – дети не свалились в воду, моряки, стоя по колено в воде, сопровождали нас. Все делали быстро, кричать не разрешалось. Впереди стояли уже машины. Нас погрузили очень быстро в машины и повезли. Везли долго. Мы не знали куда нас везут. Но твердо были уверены, что нас спасут. Выгрузили нас на поле, которое было окружено лесом. На поле стояли деревянные, сколоченные из досок столы, скамейки. Нас накормили. Помню тот обед: лапша с тушенкой, компот и кусок хлеба.

Нам сказали, что теперь будем ждать поезда. Спать нам не разрешали. Поезд задерживался, слышно было стрельбу. Потом нас очень быстро построили и повели к поезду. Наш сопровождающий, мужчина на протезе, нас очень торопил. В лесу стоял поезд. Грузились мы быстро. Было темно. Кругом слышалась стрельба. Поезд отошел. Нас всех пересчитали.

Мы забрались на полки и как мертвые заснули. Утром нас накормили кашей с маслом, компотом и дали даже шоколадку. О нас очень заботились. (Теперь я осознаю, какая была проделана работа, чтобы эвакуировать детей, обеспечить их питанием, а главное сохранить им жизнь. Большое всем спасибо!)

(Окончание на стр. 4)

Ночью состав остановили, сказали, что впереди немцы. Нас повернули и привезли в Горький. Привели на пристань. Построили. Подошел теплоход и началась погрузка. Теплоход подошел к берегу, нас выгрузили. На берегу стояли телеги. Привезли в пункт приема, где нас покормили и нас вновь повезли дальше. Теперь мы ехали на лошадях. Так я оказалась в деревне Молотицы, Владимирской области.

Встречать ленинградских детей вышла вся деревня. Этот момент мне никогда не забыть! Все пришли кто с чем: кто принес молоко, кто лепешки, кто творог. Мы выходим, а нас гладят, «Миленькие» называют. Каждого ребенка встречали как своего. Сколько теплоты и заботы, сострадания было у этих простых людей! Нас поселили в школу деревню Молотицы. Осенью стало холодно, так как школа была не приспособлена для постоянного проживания. Нас переселили в село Новошино. Сначала нас поселили в церковь. Там было холодно, все стены покрыты инеем, страшно было. Потом нас поселили в школу. Жили в школе, а учились в церкви. Весной копали для себя огороды, а летом работали в колхозе. Летом мы работали в колхозе. Старшую мою сестру увезли в другую деревню - Коробково. Из нашего Песоченского детского дома было там много наших ребят. Помню Иванову Галину, Киру Рогову, Олега Якубовского, Шарова Колю, Максимову Зину, Спиридонову, Кашинову Валю.

Места там красивые очень. Наши воспитатели постоянно что-то придумывали, чтобы мы не ощущали тоски по родному дому, заботились о нас. Нам присылали вкусные подарки из Америки. Мы ставили концерты, писали письма на фронт, работали в колхозе. Чаще стали приходиться письма от родных, которые писали, что война скоро закончится. В 1944 году стали приезжать родители за своими детьми и забирать их. Мы шли провожать ребят, за которыми кто-то приехал. Уезжали лучшие друзья, а к нам стали подселять беспризорных ребятешек.

Стало как-то невесело. Захотелось домой. Я прекрасно понимала, что дома меня никто не ждет - родители умерли. Мою сестру Галю удочерили. Моя подруга - Муратова Римма, из Горького, предложила убежать из детского дома, чтобы найти ее маму. Так мы с Риммой, без ведома воспитателей, убежали из детского дома. Семь километров мы шли пешком до поезда. Дождались поезда и поехали. Был уже 1945 год. Война только что закончилась. Приехали в Ковров. Патруль милиции проверял документы. Нас спросили, где наши родители. Мы тут же убежали. Дождались поезда, к который с трудом влезли. Так добрались до Горького. Нашли Риммину маму. Она очень обрадовалась, что ее дочь жива. Очень долго плакала. Жила мама Риммина в общежитии, т.к. их дом был разбомблен Нас накормили. Несколько дней я пробыла у Риммы. Быть нахлебницей в такое нелегкое время я не хотела. Я стала собираться в Ленинград. Римма пошла меня провожать, дала мне 10 рублей, извинившись, что больше не может. Купила я два пирожка на дорогу. А тут подошел поезд, который шел до Малой Вишеры. В вагон было не войти. Народу тьма и проводники не пускали. Я вскочила между вагонами, так и ехала некоторое время. Холодно было, октябрь месяц шел. Потом я перебралась в тамбур, да так и доехала до Малой Вишеры. А вот дальше в Ленинград без пропуска не пускали. Но у меня ни только пропуска не было, но и вообще никаких документов. Я решила, что поеду снова между вагонами, тем более это не так далеко. Подошел поезд. Народу у каждого вагона много. Рядом стояла женщина, у которой было очень много вещей. Она с проводником понесла вещи в вагон, но часть вещей осталась у вагона. Когда женщина подошла к ве-

щам, то я вызвалась ей помочь. Так я оказалась в поезде. Быстро вскочила на третью полку и так доехала до Московского вокзала г. Ленинграда. Вышла из вагона, а на улице слякоть. Я же была в валенках, в зимнем пальто и с красным чемоданчиком, который давали за хорошую учебу. Да и документов никаких. Но мне было уже ни страшно. Доехала до Финляндского вокзала, дождалась поезда, который шел через Песочный. Приехала в Песочный уже темно. Пошла домой. Стучу. Меня спрашивают - Вам кого? - Тетю Нюру. - Стучите наверх. Я стала барабанить наверху. Мужчина спросил - Кто там? Дверь открыл мамин брат. Наш дом был занят чужими людьми и только одну маленькую комнату занимали родственники наши. Дядя привел меня в комнату и сказал: «Смотрите, кого я привел!» Я призналась родственникам, что сбежала самовольно из детского дома.

Стала учиться, но особой охоты учиться не было, и после 7 класса меня определили в ремесленное училище, где брали на обучение с 12 лет. В детский дом сделали запрос, чтобы выслали мои документы, и сообщили, что жива и здорова. В училище отучилась 4 года. Занималась спортом. Закончила училище на «отлично». Получила шестой разряд мастера художественной вышивки. В Ленинграде устроилась на гардинно-тюлевую фабрику вышивальщицей.

На целине,
1945 год.

В 1954 году по призыву поехала на целину. Романтика в моей душе осталась на всю жизнь. Сидеть на месте не хотела. Наверное и потому, что рядом не было близких и дорогих родителей. На целине работала прицепщиком. Жили в палатках. Там я вышла замуж. И в 1956 году уехала с мужем на Кубань.

Потом переехали в Ленинград, где мне с трудом удалось прописаться в Песочной. Так я снова оказалась на своей малой родине. Сейчас живу в Ленинграде, но приезжаю в Песочный, ведь здесь похоронены все мои самые близкие родственники. Вообще Песочную люблю всем сердцем.

Так вот коротенько рассказала о жизни маленькой девочки в то трагическое, военное время. Хочу сказать всем, кто помог нам, детям, выжить в то время, кто заботился о нас, кто вселял нас надежду о победе, кто ценой своей жизни спасал наши жизни - большое спасибо, низкий поклон всем людям, которые прошли через мою жизнь и помогли мне выстоять. Хочу попросить прощения у воспитателей детского дома за побег.

А всем, живущим в 21 веке, хочу пожелать мирного голубого неба, здоровья и благополучия! Берегите землю русскую! Берегите мир!»

**Елена Константиновна
Румянцева (Мордина).
Ноябрь 2009 год.**